

16+

Литтмегалина

ДОМ
НА БЕРЕГУ

Литтмегалина
Дом на берегу

«Автор»

2007

Литтмегалина

Дом на берегу / Литтмегалина — «Автор», 2007

ISBN 978-5-532-08885-6

Оставшись сиротой, 17-летняя Анна Сноу вынуждена отправиться в качестве гувернантки в уединенный дом на побережье. Обитатели дома избегают солнечного света, прислуга делится жуткими слухами, а новый подопечный оказывается до крайности странным, болезненным мальчиком. Вскоре Анна понимает, что оказалась в ловушке...

ISBN 978-5-532-08885-6

© Литтмегалина, 2007

© Автор, 2007

Содержание

Глава 1: Прибытие в Дом на берегу	5
Глава 2: Кузина Леонарда	9
Глава 3: Чудовище	16
Глава 4: Дневник	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Литтмегалина

Дом на берегу

Глава 1: Прибытие в Дом на берегу

И мне снится сон, многократно виденный прежде... и я все так же не могу проснуться.

– Он вернулся, мисс Анна, но не таким, каким вы ждали его, – произносит Хаксли.

Услышав эту фразу в очередной раз, я уже не способна почувствовать что-либо, кроме усталости. Перед моими глазами стоит черная стена. Мрак разойдется позже – после того, как Хаксли известит меня о событии, разрушившем всю мою жизнь.

Следующие минуты заполнены мраком и тишиной. Там, где прежде было охлаждающее осознание, теперь – зияющие пустоты. Наконец Хаксли объявляет – монотонно и мрачно, словно сообщает о собственной смерти:

– Мистер Сноу умер, мисс Анна.

Какой торжественный и печальный миг. Думал ли Хаксли, что мой отец *доигрался*?

Мрак распадается быстро тающими хлопьями, и теперь я вижу сутулую спину Хаксли, его поднятое лицо на тонкой старческой шее. Я смотрю на него сверху, стоя на длинной лестнице; ступени под моими ногами выстилает новый алый ковер – как вскоре выяснилось, непозволительная для нас роскошь.

У Хаксли морщинистые провисшие веки, глаза обесцвечены старостью, отчего он кажется слепым. Хаксли уже полвека служит в нашем доме, он бесконечно древний, как та терракотовая индейская статуэтка в гостиной, и столь же бесконечно добрый. Он нянчил меня, а прежде моего отца, и помнит не старым еще человеком моего дедушку, ушедшего до дня моего появления на свет. Хаксли стал слаб и рассеян. В действительности от него мало толку: он забывает, какой день недели сегодня, забывает имя кухарки, забывает передать письмо сразу после того, как возьмет его из рук почтальона (впрочем, в этих конвертах давно не приходят письма, только счета). У него дрожат руки, и поэтому он больше не подает чай...

Однако мы с отцом любим его и бережем его гордость: если Хаксли узнает, что только из любви к нему мы держим его в доме, он уйдет, и поэтому мы стараемся чаще поручать ему всякие мелочи, притворяясь, что они важны для нас. Хаксли верит – он полезен, возможно, даже незаменим – и всем доволен. Старики как дети – с ними легко хитрить... Мой бедный Хаксли. Мне больно представить его нынешнее существование... Рядом с ним нет людей, которым он нужен.

– Мистер Сноу умер на корабле. Уже близко к берегу, – продолжает Хаксли.

У папы была большая печень. Утешая меня, расстроенную его очередным отъездом (в детстве я переживала папочкины отлучки болезненно), Хаксли однажды с упреком заметил о его болезни: «От разгульного образа жизни...» И тут же умолк. Вырвалось. Хаксли давно знал то, что мне стало известным только после смерти отца.

По моим щекам текут слезы. Я понимаю, что это настоящие слезы, и также понимаю – Хаксли далеко. В родном доме, стены которого когда-то казались такими неотъемлемыми, теперь живут чужие люди... и мне никогда не вернуться в него.

Лишь сон, но от него в сердце такая тяжесть...

– Кто эти люди, Хаксли? – мой испуганный шепот.

– Это моряки с корабля. Корабль называется «Фортуна», – Хаксли делает паузу и деликатно откашливается в тайной надежде, что до меня дойдет и он избежит необходимости объяснять.

На этом и других кораблях – плавучих казино – мой отец проводил много времени. Гораздо больше, чем со мной. Больше, чем где-либо еще. А я считала, что мой отец путешественник... До чего же я наивна.

– Они принесли тело.

Мой папа превратился в *тело*. Я не узнаю его. Это белое неподвижное лицо – чужое. Но я должна подойти... Сочувствие Хаксли так ощутимо, как нечто материальное. Правила есть правила, и я не могу развернуться и бежать от этого ужаса, что обрушился на меня столь внезапно. Я спускаюсь по лестнице очень медленно, не отрывая ладони от перил. Хаксли подает мне спокойную, обманчиво сильную руку (но я же знаю, каких усилий ему стоит заставить ее не дрожать) и ведет меня. Перед нами расступаются люди, черные и смутные, выглядящие для меня как столбы мрака. Должно быть, они беззастенчиво рассматривают мое лицо (страх и горе притягательны), но в моем отчуждении мне безразличны их взгляды.

Я вижу длинный деревянный ящик, лежащий на столе, и...

Что-то ледяное и мокрое упало на мою щеку, скользнуло к подбородку. Вздвогнув, я подняла голову. Потолок надо мной расплывался, мерк ослепительный блеск хрустальной люстры (новой люстры – папочка привык жить на широкую ногу)... Затем все утонуло во мраке.

Снова холодная вода брызнула мне на лицо, и я окончательно проснулась. Дождевые капли летели на меня сверху из приоткрытого окна, ползли по запотевшему стеклу, оставляя чистые дорожки. Дождь расходился, поезд же, напротив, замедлял ход. Мы остановились возле какой-то станции. Дождь ударил в полную мощь, ничего нельзя было разобрать, лишь синевато и тускло светил фонарь.

– Станция Блэк Ривер! – приглушенно объявил проводник, заглянув ко мне.

Я взяла свой небольшой саквояж и встала.

– Мисс, вам помочь? – спросил проводник.

Я покачала головой.

– Спасибо, у меня немного вещей.

Я проследовала за проводником вдоль купе. Пассажиры спали. Было очень тихо, только слышалось, как шелестит дождь. Проводник взглянул на меня украдкой, должно быть, отмечая мое бледное лицо и скромную одежду, затем оглядел неприветливую станцию Блэк Ривер. Он явно мне сочувствовал, и я напряглась, как испуганная мышь.

В этом чужом мире все воспринималось мною враждебным и опасным, даже то, что в действительности не являлось ни тем, ни другим. Я была как маленькая лодка, которую унесло штормовое море, оторвав от надежного причала.

– Надеюсь, вас встретят, мисс, – сказал проводник. – Как-то здесь мрачновато, вы не находите?

– Наверное, – робко пробормотала я, слишком уставшая, чтобы о чем-нибудь думать.

Спустя минуту поезд отошел от станции.

Я осталась одна.

Дождь не унимался. Я переложила саквояж в другую руку и раскрыла зонт, который, впрочем, плохо защитил меня от косо летящих капель. Все, что я могла сделать, – повернуться к дождю спиной.

Я ждала около часа, промокла, продрогла и совершенно отчаялась. Неужели обо мне забыли? Если это так, то что мне делать? Все здесь было мне незнакомо, и не было никого, кого я могла попросить о помощи, даже если бы решилась обратиться.

Наконец во мраке послышался рокот, поначалу едва различимый в плеске льющейся воды. Я не решалась верить своему слуху, пока его правоту не подтвердило зрение: из плотной завесы дождя возник автомобиль, ломая жесткие струи.

Прошелестев по мелким камушкам, автомобиль остановился возле меня. Дрожащая и жалкая, как собачонка, я смотрела в темные окна, ожидая, когда откроется дверь и меня позо-

вут. Но прошла минута, две, три, а меня не окликнули. Темные окна взирали на меня с угнетающим безразличием. Осмелевшая от холода, я постучала в стекло, за которым тлел маленький огонек папиросы.

– Мое имя Анна Сноу, – пропищала я и сама себя едва расслышала. – Меня обещали встретить.

Громадная лохматая голова за стеклом как будто бы качнулась, кивая. И тогда я совершила самый безрассудный поступок в своей жизни – я открыла дверь и села на заднее сиденье жуткой машины.

Человек за рулем не взглянул на меня. Безмолвный, нажал на газ.

Автомобиль (не новый, шумный, тряский; я немного разбиралась в автомобилях – мой папочка обожал их) увозил меня в неизведанное. Если бы я знала заранее, что ждет меня, я бы выпрыгнула на ходу, не заботясь, что могу переломать ноги. А, впрочем... может быть, я осталась бы сидеть где сидела.

Пока же я была в полном неведении о грядущих потрясениях. В один момент мне казалось, что мы едем нестерпимо долго, в другой – что прошло всего одно мгновение. Я не спала и не бодрствовала. Я ежилась от холода; прижималась спиной к неудобной спинке; боролась с приступами тошноты; боязливо вглядывалась в затылок молчаливого человека и вдруг растворялась в дожде и тьме за окном.

Автомобиль остановился. Словно впервые заметив меня, молчун распахнул дверь и протянул мне руку, помогая выйти. У меня не нашлось сил на то, чтобы поднять взгляд и оглядеть дом, когда мы шли к нему сквозь мокрую темноту.

Дождь все лил.

Стоило человеку постучать в дверь, как она сразу распахнулась, как будто за ней стояли и ждали нас. Я увидела женщину лет шестидесяти, с короткими седыми волосами, завитыми в кругляшки, с круглыми глазками за круглыми стеклами очков.

– Здравствуйте! – сердечно воскликнула она, обнимая меня.

– Здравствуйте, – тихо произнесла я, пораженная столь теплым приемом, и застыла с опущенными руками.

– Что же вы стоите в дверях! Вы промокли до костей. Проходите. Добро пожаловать в дом, дорогая!

Она взяла меня за руку и втянула внутрь. Безмолвный человек шагнул следом. Дверь захлопнулась за нами, отрезая от дождливого мира.

– Меня зовут миссис Пибоди. Марта Пибоди.

Я знала ее имя. Эта женщина написала мне письмо.

– А вас зовут Анна Сноу, да, моя дорогая?

– Верно. Приятно познакомиться.

– Поставьте ваш саквояж здесь. Немой отнесет его в вашу комнату. Немой, возьми у нее шляпку и жакет. Пройдемте поскорее в кухню и сядьте, вы же валитесь с ног. Новое лицо в нашем доме! Как это замечательно! – с любопытством разглядывая меня, она подняла повыше лампу, которую держала в руках. Старая керосиновая лампа. Давно я не видела таких. – Вы очень молоды, дорогая, сколько вам лет?

– Семнадцать.

– Семнадцать! Совсем еще девочка. Вам сложно придется с Колином, дорогая, хоть он и младше вас на девять лет. А Натали, кухне мистера Леонарда, исполнилось двадцать шесть.

Мы прошли в просторную, прогретую за день кухню с мощным каменной плиткой полом.

– Садитесь здесь, подождите немного. Вода для умывания еще недостаточно нагрелась. Хотите черничный пирожок?

– Спасибо, я не голодна.

– Принести вам одеяло? Вы можете простудиться.

– Благодарю, не нужно одеяла. Здесь очень тепло. Вы... вы моя хозяйка? – не выдержав, спросила я.

Она рассмеялась, запрокидывая голову и показывая белые, крепкие зубы.

– Что вы! Я экономка. И кухарка. И прачка. Я, Немой и Грэм Джоб – на нас троих держится этот дом. Мистер Леонард, вот кто ваш хозяин. Да и мастер Колин, – миссис Пибоди вздохнула. – Он капризный и болезненный ребенок. Станный, – добавила она и вдруг воскликнула: – Как хорошо все-таки, что вы приехали! Мне и поговорить здесь не с кем. Как овдовела, так устроилась сюда. И осталась, не знаю почему. Семь лет прошло... Прежде Лусия составляла мне компанию, но с тех пор как она ушла, в этой кухне поговорить можно разве что с эхом...

Миссис Пибоди еще долго изливала бы на меня свою тоску, но через десять минут вода, к счастью, нагрелась, после чего миссис Пибоди проводила меня, наполовину мертвую, наполовину спящую, в мою комнату. В пути я отметила только скрипучесть лестницы и общую мрачность обстановки. И мелькнула маленькая черно-белая кошка – показалась и спряталась.

– Это очень странный дом, миссис Пибоди, – неожиданно для себя пробормотала я.

– Станный дом? – эхом повторила миссис Пибоди. – И правда: странный дом. За зиму изводят тонны дров, а все равно мы промерзаем до костей. Я и говорю: «Мистер Леонард, а не установить ли нам цивилизованную современную отопительную систему?» А он мне отвечает: «Стоит ли тревожить дом, Пибоди?» Так и сказал: «Тревожить дом». Ох, еще и трубы шумят. Можно ли жить в таком неуюте? Дома таковы, каковы их хозяева.

Я быстро умылась, не способная даже испытать удовольствие от того, что смыла с себя дорожную грязь, так мне хотелось спать. Трубы действительно шумели, и вода из крана, ледяная как смерть, едва текла тоненькой струйкой. Затем я легла под холодное одеяло и сразу уснула.

Глава 2: Кузина Леонарда

Я проснулась будто от шипка, чувствуя себя не вполне хорошо, но все же достаточно отдохнувшей, чтобы пережить предстоящий день. В первую минуту мне показалось, что еще очень, очень рано, затем я поняла, что сумеречно лишь в комнате, а снаружи наверняка уже давно рассвело.

Так и оказалось. Когда я раздвинула шторы, свет дня ворвался в комнату, позабывшую его за вечность полумрака. Из окна я увидела море. Впервые в жизни. Не совсем такое, каким я представляла его себе. Не искрящееся-синее. Непонятного, темного, холодного цвета. Оно зачаровывало. Увлекало из реальности. Не то чтобы оно понравилось мне, но на какое-то время заставило позабыть обо всем, кроме него. Потом я мотнула головой, как будто вытряхивая из нее образ моря, и осмотрела комнату, в которой мне предстояло жить. Все в ней было синим – и стены, и ковер, и шторы на окне, и кресло, и даже покрывало на кровати. Комната выглядела холодной и необжитой, будто никогда не имела владельца. Мне тоже здесь жить не хотелось...

Сколько часов, интересно, идти до станции?

Глупости.

Я села на кровать и попыталась думать разумно (я всегда говорю себе, когда мне плохо: «Подумай об этом еще раз, но подумай разумно»). Я не ребенок. Папа умер. И уже нельзя, как прежде, просто дождаться его возвращения, чтобы все стало хорошо. Я должна сама о себе заботиться. Пусть я молода и неопытна, но раз меня наняли на эту работу, то, значит, посчитали, что я могу с ней справиться. И справлюсь. Я должна отбросить все сомнения раз и навсегда. Где бы я была сейчас, если бы на мое объявление не откликнулись столь неожиданно скоро? Я должна перестать бояться, я вполне в безопасности в этом доме – вдали от папиных кредиторов. Нет никаких предчувствий. Есть моя неуверенность.

Я умылась ледяной водой под протестующее гудение труб, оделась и причесалась. В дверь постучалась миссис Пибоди.

– Так я и знала, что вы уже проснулись, моя дорогая, – сказала она.

– Боюсь, я спала слишком долго, – повинулась я.

– Господа встают поздно, так что вы не опаздываете. Мистер Леонард выразил желание, чтобы вы поднялись к завтраку, – она взяла меня за руку. – Не нервничайте.

– «Мистер Леонард» – странное обращение, миссис Пибоди. Стоит ли мне его использовать?

– О, мы давно привыкли. Мистер Леонард вообще большой эксцентрик, вы скоро поймете. В этом доме все не как полагается.

Спустя полчаса миссис Пибоди проводила меня в столовую.

– О чем я вам и говорила, – прокомментировала миссис Пибоди кромешную тьму в коридоре. – Даже электричества нет. Но вы привыкните. Просто всегда берите с собой лампу.

В столовой все уже собрались за длинным, накрытым красной скатертью столом.казалось, они очутились здесь неведомым, волшебным образом и в любое мгновение могут исчезнуть, растаяв в воздухе, как призраки. Меня охватил приступ мучительной застенчивости. Лучше бы мне провалиться сквозь пол, чем стоять здесь вот так, перед этими людьми, рассматривающими меня...

– Здравствуйте, – очень неуверенно поздоровалась я, на деревянных ногах проходя к столу.

– Здравствуйте, – откликнулся только один человек, поднимаясь со своего места. Улыбнувшись, он обогнул стол и любезно выдвинул мне стул.

– Спасибо, – пролепетала я, раздосадованная собственной робостью. Я посмотрела на того, кто меня поприветствовал, догадалась, что он и есть хозяин дома, и сразу опустила глаза.

Лет тридцати на вид, он был высок, строен, даже худощав. У него было красивое бледное лицо с впалыми щеками и короткие темно-русые волосы.

– Уотерстоуны, Мария, – представил он мне сидящих за столом. – И я, Леонард. Анна, новая учительница Колина, – пояснил он для всех.

Они будто не слышали. Уотерстоун-младший с безразличным видом помешал серебряной ложечкой кофе.

Я села, осторожно осматриваясь. Столовая поразила меня унылой пышностью обстановки, усугубленной нелепым гигантизмом мебели и общей атмосферой заброшенности. Плотные сомкнутые шторы лишили солнечные лучи шанса проникнуть внутрь. Беспорядочно расставленные на столе и предметах мебели тусклые лампы и оплывшие свечи сражались с темнотой без особого успеха. Нет, мне была решительно непонятна странная неприязнь жителей Дома на берегу к свету, и, пожалуй, она уже начинала меня угнетать.

Есть мне не хотелось, но я ела из вежливости, не ощущая вкуса еды. Леонард единственный проявлял оживление, иногда что-то говорил сидящим за столом, спрашивал меня о чем-то, но я не помню ни его вопросов, ни своих ответов. Уотерстоуны изредка подавали реплики, почему-то с утомленными интонациями, обращаясь либо друг к другу, либо к Леонарду, игнорируя меня и Марию. Раз я ощутила оценивающий взгляд Уотерстоуна-младшего, однако он сразу отвернулся с презрительной усмешкой под тонкими усиками, очевидно, сочтя, что его внимания я не заслуживаю.

Блекловолосые и блеклоглазые, Уотерстоуны сразу вызвали во мне неприятное тягостное чувство... тогда я не созналась себе, но позже, в одиночестве своей комнаты, вынуждена была признать, что это отвращение. Мне не хотелось начинать свою жизнь в доме со столь тягостного чувства к кому-либо... но это было отвращение. Насчет Марии я только равнодушно отметила, что она довольно-таки красива с ее темными волосами и глазами, пухлыми яркими губами – если не учитывать общую апатичность лица, портящую ее. На ней было алое платье, чересчур декольтированное для нашей моды.

Мария едва ли заметила меня. Ее блестящие глаза с широкими бездонными зрачками казались стеклянными и постоянно застывали, устремившись в одну точку. В течение завтрака она не произнесла ни слова и сонно ковыряла свой омлет, так и не проглотив ни кусочка. Только раз к ней обратился Леонард. Мария не отреагировала, что Леонард воспринял как само собой разумеющееся, из чего я заключила, что отрешенность от реальности типична для нее.

– Что-то вы совсем сникли, Анна, – заметил Леонард. – Ну-ка, взбодритесь.

Я вымученно улыбнулась. Он растянул в ответ уголки рта, и я прочла в его насмешливом взгляде: «Ну, это слишком уж неестественно».

О Леонарде я не сумела составить мнения. В нем присутствовала... незавершенность. За каждой его фразой следовала звенящая тишина, словно он должен был сказать что-то еще и не сказал. Его голос звучал с теплотой, но она не согревала и не успокаивала. Мне вспомнились плоские камин и желто-красное пламя с картины, висящей на стене кабинета моего отца. Картина была безобразно нарисована и никому не нравилась, но отец так и не снял ее со стены.

Зачем вообще я думаю об этом? Это важно? Нет.

Леонард положил вилку, аккуратно провел салфеткой по тонким губам и замер в ожидании.

– Полагаю, вам не терпится познакомиться с вашим подопечным, Анна?

– Да, – ответила я, чувствуя, как в животе все сжимается от страха. Мне совсем не хотелось, совсем. Не сейчас.

Леонард вышел из-за стола, захватив одну из ламп. «Спокойно», – приказала я себе и положила вилку. Как только я встала на ноги, скатерть вздулась пузырем, поднялась, открывая путь скрывавшемуся под ней, и моему потрясенному взору предстало нечто ужасающее. И все время *это* было там, под столом! Собака, собака... да неужели бывают такие собаки! Пес похо-

дил на исчадие ада, лоснящийся, черный, невероятно огромный (не меньше лошади, показалось мне с перепугу), до того свирепый с виду, что у меня замерло сердце. Жуткое создание двигалось прямо на меня, роняя капли вязкой слюны из раскрытой зубастой пасти («В которую запросто поместится моя голова», – неуместно отметила я).

– Спокойно, – медленно проговорил Леонард, обращаясь то ли ко мне, то ли к псу. – Стоять, Бист.

Пес замер как вкопанный.

– Бист сопровождает меня всюду, – объяснил Леонард. – Он мой страж.

Бист смотрел на хозяина с тупой преданностью. Свет лампы отражался в его выпуклых недобрых глазах красноватым огнем.

– Не бойтесь его, Анна. Бист не нападет, пока я не прикажу ему.

«А вы приказываете ему нападать, Леонард?» – подумала я и смутилась своей мысли.

– Идите за мной. Бист, ждать, – приказал Леонард с одинаковой интонацией и мне, и собаке. И вышел.

Бист тяжело улегся на пол и водрузил большую морду на лапы. Я снова глянула на собаку: без отраженного света собачьи глаза стали пустыми и тусклыми. Я решила впредь не обращать внимания на это страшное животное. Бист же не набросится, пока Леонард не прикажет.

– Миссис Пибоди рассказала вам о ваших обязанностях?

– В общих чертах.

Леонард ступал совершенно бесшумно. На фоне света лампы, которую он держал перед собой, он почему-то казался очень высоким, едва не задевающим головой потолок. Все вокруг него тонуло в крошечной тьме.

– Возможно, поначалу вы столкнетесь со сложностями. Колин – не совсем обычный ребенок. Но, думаю, вы справитесь.

– Я очень постараюсь, – пообещала я. Что еще мне оставалось? Учитывая мою финансовую ситуацию, выбор между справиться и не справиться был равноценен выбору между жизнью и смертью.

Мы достигли двери в конце коридора, Леонард толкнул ее и, поморщившись, закрыл ладонью лицо. Холл наполнял яркий свет.

– Прodelки Натали, – с гримасой на лице пробормотал он и вышел на лестницу.

Я шагнула вслед за ним в просторный холл, на одну из двух дугообразных лестниц. Некоторые занавеси на больших окнах были раздвинуты, некоторые сорваны совсем и свалены на пол грудой пыльных бархатных тряпок. Леонард положил ладонь на перила, взглянул вниз, где хлопнула дверь, и начал медленно спускаться по ступеням. Лампа в его руке, чей желтый слабый свет не мог сравниться с чистым сильным светом дня, смотрелась нелепо.

– Доброе утро, Натали, – спокойно произнес он. – Как это типично для тебя: растворять все окна не потому, что ты так любишь свет, а потому, что я так его ненавижу.

Натали остановилась у подножия лестницы и взглянула на него глазами, горящими испепеляющей ненавистью и одновременно холодными, как лед. Я не задумалась в тот момент о причинах такого их выражения. Натали... Когда я увидела ее, даже ее имя приобрело волшебное, серебристо звенящее звучание. Натали. Она была как вспышка ослепительно яркого света. Несколько секунд я смотрела на нее, неподвижную, как статуя, забывшую обо всем, кроме своего гнева. Затем Натали ожила и без единого слова взбежала по лестнице, прыгая через три ступеньки. Приблизившись к Леонарду, она оскалила зубы, обнажая розовые десны, и покошачьи зашипела ему в лицо. Только секунда, и, едва не сбив меня с ног (сомневаюсь, что она вообще заметила мое существование), она исчезла в темном проеме.

– День закончится, Натали! – крикнул ей вслед Леонард. – Это Натали, – зачем-то прокомментировал он мне, уже с другой интонацией. Он выглядел невозмутимым, замкнутым. – Поздно. С ее воспитанием ничего нельзя поделать.

– Она самая красивая из всех, кого я видела, – выдохнула я. Конечно, в нормальном состоянии я бы оставила свои мысли при себе, но в тот момент я была совершенно потрясена.

Леонард сжал губы и чуть заметно мотнул головой. Только тогда я догадалась, насколько он раздражен.

– Пойдемте, – едва успел он произнести, как раздался дикий крик. Я не сразу поняла, что это вопит ребенок. – Колин, – успел объяснить Леонард в краткий момент затишья, после чего крик возобновился, не выражая ни боли, ни страха – чувств, заставляющих детей плакать обычно. Только жесточенность. На лбу Леонарда возникли морщины. Я подумала, что мистеру Леонарду, должно быть, непросто с его семьей.

– Позже, Анна, – сказал он резко. – Не следует начинать сегодня, если он не в настроении. Пока привыкайте к дому. Я успокою Колина.

Он спустился с лестницы, ускоряясь, прошел к другой, ведущей в правое крыло, взбежал по ней и исчез за дверью (когда он распахнул дверь, я расслышала прерывистые всхлипывания).

Я вернулась в свою комнату, касаясь рукой стены, чтобы ориентироваться в темноте, и села на кровать. Так кричал ребенок? Что же это за ребенок? Я вздохнула.

За окном шумело море.

Я попыталась почитать книгу, которую привезла с собой, но не воспринимала текст, и даже иллюстрации, любимые мною с детства, потеряли все свое очарование. В этих синих стенах мне было одиноко и холодно. Я люблю одиночество, оно друг для меня. Но когда вместе с ним приходят тревога и беспокойство, оно становится невыносимым. Конечно, я могла бы спуститься в кухню к миссис Пибоди, выпить чашку чая, но тогда мне придется отвечать на многочисленные вопросы. Миссис Пибоди неплохая женщина, но она любопытна и говорлива. Я еще не готова перебирать свое прошлое, не только говорить, но даже думать о нем, следовательно, мне лучше держаться от экономки подальше. Пока что мне следует освоиться в настоящем. Или, для начала, в доме.

Я зажгла свечу и вышла из комнаты.

Я прогулялась по темному дому, может быть для того, чтобы успокоить себя, «привыкнуть», как сказал Леонард. Большинство комнат были заперты, в остальных тоже не обнаружилось ничего интересного: высокие шкафы с мутными от грязи застекленными дверцами, громоздкие кресла в чехлах.

Меня немного смущало, что на эту прогулку мне никто не дал позволения, но черные щели приоткрытых дверей уже меньше тревожили меня, когда я убедилась, что за ними только пыльная мебель. На втором этаже левого крыла не жил никто, кроме меня, и я почувствовала себя изолированной от всего человеческого мира.

Я решила подняться на третий этаж, где обитали мистер Леонард, Уотерстоуны и Мария. Там пол был выстлан алым ковром и на стенах горели позолоченные светильники. Я заглянула в библиотеку, заставленную стеллажами с книгами, кажется, очень большую, но не вошла в нее, опасаясь, что встречу мистера Леонарда или еще кого-нибудь. Затем спустилась обратно по лестнице.

Как странно пах этот дом. Заброшенностью. Ненужностью. Нелюбовью. Я чувствовала, как тоска, тягучая и липкая, словно остывший сироп, разливается во мне. И откуда этот мертвенный холод в коридорах? Едва отгорело лето.

Все больше дом не нравился мне, мне хотелось выбраться из него.

Я спустилась по какой-то лестнице, толкнула какую-то дверь и вдруг очутилась в сказочной стране. Цветы были белые, лиловые и красные; зелень падала кудрявыми потоками или вскидывалась острыми стрелами. Это была оранжерея, но мне она действительно поначалу показалась сказочной страной. Сквозь стеклянные стены проникало много света, и я слегка

прикрыла глаза, прежде чем, привыкнув, смогла широко раскрыть их. Всегда так радуешься свету, даже потеряв его совсем ненадолго...

Цветы казались увядшими, хотя земля под ними была чуть влажной. «Как это удивительно, – подумала я. – Цветы, в этом зловещем доме». Я осторожно прикоснулась к чашечке цветка. Его лепестки были хрупкими и гладкими, будто из тонкого стекла.

– Я знаю, о чем ты подумала, – услышала я вдруг голос Натали. – Цветы, здесь. Странно.

Я обернулась и увидела ту, что так поразила меня. Сейчас она не казалась такой высокомерной, лед растаял в ее глазах, и я столкнулась с ними взглядом своих, испуганных и изумленных. Должно быть, в своем непонятном восторге я выглядела совершенной дурочкой.

– Это творение моей матери. Она каждый день проводила здесь по несколько часов, ухаживая за цветами. У меня бы никогда не хватило терпения на подобное. Маме всегда было жаль, покидая дом, оставлять оранжерею садовнику. Но, конечно, наша семья не могла жить подолгу в столь изолированном месте – излишний покой превращается в тоску. Восемь лет назад все здесь погибло и оставалось мертвым не один год. Оранжерея превратилась в стеклянный склеп. Я не могла приходить сюда, мне было невыносимо все это видеть...

Натали говорила очень спокойно, почти умиротворенно, хотя ее рассказ вызвал у меня тревогу.

– Потом я попросила Грэма Джоба восстановить оранжерею. Чтобы посадить новые цветы, он вырвал сухие стебли из земли и сжег их. Дым поднялся высоко. Леонард сказал, что это напоминает ему погребальный обряд. Цветы и сейчас погибают часто – никакой уход не способен спасти их в этом отравленном воздухе, но Грэм Джоб теперь не сжигает их, а зарывает в землю. Потому что, как он сказал, мертвых сжигают язычники, а он христианин.

Натали закрыла глаза и снова медленно раскрыла их. Смутно чувствуя, что она пытается произвести на меня впечатление, я окончательно растерялась и ничего не говорила. Натали тоже молчала, хмуро рассматривая увядшие цветы и изображая задумчивую отстраненность, но стоило мне посмотреть на нее, она так и впивалась в меня взглядом.

– Это очень грустно – быть цветком, – неожиданно сказала она. – Все время на одном месте. Всю жизнь. Это настоящий кошмар. Пошли, – она схватила меня за руку и потащила через оранжерею.

Натали была высокой, выше меня на целую голову. Ее длинные каштановые волосы были затянуты в хвост, и, несмотря на помятую и даже грязную одежду, прическа была гладкая, ни одной торчащей пряди.

Мы вышли через стеклянные двери, и холодный ветер сразу набросился на нас. Он нес в себе терпкий запах моря, темным полотном распростершегося впереди.

– Как тебя зовут?

– Анна, – ответила я. – Анна Сноу.

– Твоя фамилия такая же холодная, как твои пальцы¹, – Натали все еще удерживала мою руку в своей, но смотрела не на меня, а на море. – Я хочу приблизиться к воде.

Мы спустились по крутому каменистому склону и оказались у самой кромки воды. Очередная волна смочила песок и камни у наших ног.

– Хищное, – пробормотала Натали, отступая на шаг, чтобы ей не намочило туфли. И улыбнулась – бесстрастно, жестоко. Клычки, левый и правый, у нее были очень острые и чуть длиннее нормального, и поэтому ее улыбка походила на оскал обороняющейся кошки. Она вытащила из кармана смятую пачку, выудила сигарету, сунула ее в рот, чиркнула спичкой и сладострастно вдохнула дым, прикрыв глаза. Я подумала, что никогда не ощущала одиночества большего, чем то, что исходило от нее.

¹ Snow (англ.) – «снег».

Натали немного прошла вдоль воды, вяло перебирая ногами и выдыхая прозрачный серый дым, тут же уносимый ветром. Затем обернулась и спросила, всматриваясь в мое лицо с невероятной жадностью:

– Как там, снаружи? Что там?

Я не сразу смогла ей ответить. Мне представились комнаты нашего с папой дома, который теперь не был нашим, но кроме них ничего не вспоминалось. «Но ведь выходила же я когда-нибудь на прогулку?» – с отчаяньем подумала я.

– Дома, деревья, улицы. Машины, которых становится все больше – мне они не нравятся, – неуклюже ответила я, краснея от стыда. – Мне больше по душе лошади. С ними как-то поспокойнее, да?

Натали медленно пропустила дым сквозь ноздри.

– Дура, – резко выпалила она. – Зачем ты приехала сюда? Это худшее, что могло с тобой случиться. Или почти худшее, – и она снова зашагала по мокрым камням.

Почему-то ее грубость нисколько не обидела меня.

– У меня не было выбора, – пробормотала я, спеша за Натали с риском поскользнуться. – Никогда не угадаешь, где тебе будет лучше, где хуже.

Натали фыркнула.

– Не говори мне об отсутствии выбора. И следовало бы подумать, прежде чем прыгать в кроличью нору, – она в последний раз глубоко затянулась и бросила сигарету, которую сразу подхватила волна. – Слушай. Я не пугаю, я предупреждаю тебя. Ты не представляешь, где ты оказалась, к каким последствиям здесь может привести даже простая неосторожность. И тем более любопытство. Грэм Джоб старательно ничего не замечает. Пибоди глупая курица, что ей на пользу в данной обстановке. Советую тебе перенять стратегию первого, это лучше, чем изображать из себя вторую. Леонард – сволочь. Всегда помни об этом и никогда не произноси этого вслух. Особенно в доме. Что слышит дом, то слышит Леонард. Это его владения. А вот оранжерея – наша территория. И берег моря тоже – но только до заката. Никогда не приходи сюда с наступлением темноты. Ты поняла?

Я ничего не поняла, но ответила, что да.

– Уотерстоуны любят устраивать мелкие подлости, пока не получают позволение совершать крупные. Держись от них подальше, особенно от младшего. Если он позовет – не иди. Не хлопай наивно глазами. Ты не знаешь, какое он дерьмо собачье.

Впервые при мне так грубо отзывались о людях. У папы иногда вырывались ругательства, но ни к кому конкретно они не относились.

– А Мария? – поинтересовалась я.

Натали сплюнула в отступающую волну.

– Просто тупая шлюха. Леонарду должно быть стыдно за такое преступление против хорошего вкуса, – категорично заявила она.

Внезапно я поняла, что улыбаюсь. Я была шокирована тем, что сказала Натали. И все же... в ее непосредственной манере излагать свои мысли было что-то привлекательное, новое для меня.

Усмехнувшись, Натали посмотрела мне прямо в глаза.

– Ты сообразительнее, чем кажешься, – ее холодные пальцы обвили мое запястье и слегка сжали, отправив заряд молнии. – Гнусное маленькое чудовище будет изводить тебя. Подумай, как справиться с ним.

Я даже не сразу поняла, о ком она. У нее были огромные, очень красивые глаза. Светло-серые, серебристого оттенка, не водянисто-мутные, как у Леонарда. С изогнутыми стрелками длинных ресниц. Когда я смотрела в эти глаза, они меня завораживали, все мысли пропадали. Если бы Натали сейчас приказала мне броситься в холодную морскую воду, я бы безропотно ее послушалась.

– Тебе лучше возвращаться, – Натали с сожалением отпустила мою руку, и я почувствовала, как рвутся тонкие нити, протянувшиеся между нами. – Он заметит, что ты разговаривала со мной долго, пусть и не сможет прознать, о чем, – она глумливо оскалилась, показав свои острые зубки. – Ему здорово не понравился свет в холле?

Я вспомнила исказившееся лицо Леонарда. Но оно выражало не столько гнев, сколько... боль.

– Пожалуй, – неуверенно ответила я.

– Он ничтожен. До чего довел себя. Ладно. Иди.

Я прошла десять шагов и, обернувшись, сказала:

– Ты такая странная, Натали.

– Я не странная, – возразила Натали. Ее глаза сияли. – Я бешеная!

И рассмеялась.

Я пошла к дому в полном смятении чувств. Колина в тот день я так и не увидела (*это не нормальный ребенок; нормальные так не орут*).

Позже я еще раз спустилась в оранжерею в надежде снова встретить там Натали, хотя и понимала, что хорошего понемножку. Цветы еще больше поникли, некоторые совсем лежали на земле.

Время тянулось невыносимо медленно. Небо заволочло тучами, и в моей комнате потемнело. Я не зажгла лампу и лежала на кровати, свернувшись клубочком. Больше всего мне хотелось, чтобы пришла Натали, и, компенсируя ее отсутствие, я проигрывала в своем воображении диалог с ней. Мне хотелось ей понравиться...

Но небо за окном мрачнело и вскоре стало совсем черным, и Натали, конечно, не пришла. Наверное, она даже не знала, где я, ведь дом такой огромный. Намного больше, чем нужно этой горстке людей. Все же немного утешало, что она есть где-то, что я еще увижу ее, и не единожды.

А под лестницей в кухню смятые тряпки, матрас с вываливающейся серой мякотью; Немой спит на нем. У этого человека нет даже собственного имени. Дикость какая-то...

Глава 3: Чудовище

«Маленькое чудовище», – сказала о нем Натали вчера, и ее слова поразили меня своей жестокостью. Он ее брат, каким бы он ни был, и он всего лишь ребенок. Ребенок... Но я вот уже пять минут стояла возле двери и не решалась войти. Я как будто бы уснула в темной комнате и все еще не проснулась. Не двигаясь в действительности, блуждаю из одного сумеречного сна в другой.

– Боишься меня? – просочился сквозь дверь его утомленный, холодный голос. Я вздрогнула и затем, проглотив свою нерешительность, вошла в комнату – более из гордости, чем из смелости.

Колин лежал на широкой кровати, до груди закрытый темно-красным, с бордовым оттенком, одеялом. Мне сразу бросилось в глаза его разительное сходство с Натали: тот же цвет волос, та же пронзительность взгляда светло-серых глаз, тот же ореол ледящего высокомерия. Вчерашняя истерика сказалась на его самочувствии, и он был слаб, как котенок.

– Здравствуй.

Он не снизошел до приветствия.

Я села на стул возле кровати, положив на столик стопку учебников, принесенных с собой (когда-то я сама по ним училась), и там же поставив свечу, сопровождавшую меня сквозь мрак дома Леонарда. Эта комната, освещенная единственной лампой, изолированная от светлого мира бархатными занавесями, сдвинутыми так плотно, что будто бы сшитыми друг с другом, была ненамного светлее коридоров.

– Меня зовут Анна, – я говорила как-то очень спокойно. Как перед бешеной собакой – не показывай страха, набросится. – А тебя?

«Маленькое чудовище»...

Он скривил губы в насмешке.

– Зачем спрашивать, если ты знаешь ответ, дуреха?

Я сделала вид, что не услышала последнего слова.

– Чтобы ты сам мне представился.

– Зачем? – повторил он.

– Так принято знакомиться. Называть себя. Но если я не спрошу, сам ты себя не назовешь.

– У меня тысяча имен. Я уже не знаю, как называть себя.

Ухмылка смотрелась на его детском лице странно. Точно он копировал мимику взрослого циничного человека. И такой же фальшиво-взрослой, нарочито замедленной, была его манера говорить.

– Ладно. Каким из них называют тебя чаще?

– Бхагават, – он уже откровенно издевался надо мной. – Но так меня не зовут. Так ко мне обращаются.

Я не уловила, в чем здесь разница. Я все больше терялась.

– Это не английское имя.

– Когда я впервые родился, Англии еще не существовало. И мира не было. И даже времени.

– Тебе восемь лет, – возразила я тихо, и он вдруг разъярился.

– Пошла вон отсюда, глупая нянька!

– Я не нянька. Я приехала, чтобы учить тебя...

– Да чему ты можешь меня научить, – он досадливо отвел взгляд, точно я была чем-то нестерпимо мерзким. – Убирайся. Пусть Леонард придет и сам учит меня.

– У мистера Леонарда много важных дел, – возразила я не слишком уверенно (понятия не имею, какие уж там у него дела). – Он не может прийти к тебе сейчас.

Колин потянулся ко мне и больно ущипнул за запястье. Я отпрянула, с сожалением отметив, какую беспомощность демонстрирую перед этим жутковатым ребенком, решившим помочь мне голову.

– Почему ты злишься? – во мне удивление постепенно вытесняло страх. – Я не хочу ругаться. Я хочу с тобой подружиться...

Не следовало. Глаза Колина полыхнули злобой, но губы растянулись в улыбке.

– А я хочу, чтобы ты умерла, – угрюмо отчеканил он. – Если я подружусь с тобой на этой неделе, ты умрешь для меня на следующей?

Я замерла, чувствуя, как розовеют мои обычно бесцветные щеки. Улыбка Колина стала шире. Возле уголков его рта пролегли вертикальные морщины, и он стал похож на маленького злобного старичка. Дрожащей от слабости рукой он поднял книгу, лежащую возле него на одеяле, и бросил в меня. Если бы я не увернулась, книга своим острым углом попала бы мне в глаз или в висок.

– Бросать книги – нехорошо, Колин, – спокойно, хотя внутри все дрожало, напомнила я и подняла книгу с пола.

– Кто ты такая, чтобы говорить мне, что плохо? – он почти кричал. – Ты скоро окажешься там же, где теперь те дыры, что были до тебя. Идиотка!

Я сжала губы.

– Мое терпение велико, но не безгранично, Колин. Пожалуйста, выбирай выражения.

– Я скажу Леонарду, чтобы он избавился от тебя.

– Что ж. Это будет очень несправедливо с твоей стороны.

– Сразу, как только он придет ко мне вечером.

– Вечером, Колин. А сегодняшнее занятие в любом случае состоится, – я понимала, что мои слова еще больше растрavляют его гнев. Но отступление было тем более бессмысленным. Если я выйду сейчас, вернуться в эту комнату мне уже не позволят. А идти мне некуда.

– Я буду кричать!

– Кричи, – я села на стул, отодвинув его подальше от постели Колина, и с фальшивой невозмутимостью разгладила складки на юбке. Руки, не дрожите, нельзя. – Приступай прямо сейчас. Когда ты охрипнешь, мы начнем урок арифметики. Примеры можно решать и молча.

Он нахмурился, но его воинственность стремительно убывала. Я предположила, что он сдался так легко потому, что прежде ему просто не пытались дать отпор.

– Сейчас у меня нет сил разбираться с тобой, – с тихой ненавистью процедил он, оправдываясь за свое поражение. – Но ты еще получишь.

Я возликовала, внешне сохраняя бесстрастность.

– Может быть. А может быть, и нет. Возможно, ты передумашь насчет меня.

Придвинув стул ближе, я зашелестела страницами. Колин закрыл глаза. Против желания, иногда мой взгляд смещался к его лицу. Его бледная, желтая в этом свете кожа казалась холодной и влажной. Должно быть, она слегка липкая на ощупь, предположила я и проглотила внезапное отвращение, горькое, как таблетка. Маленький, худенький, Колин физически не соответствовал своему возрасту. До чего же болезненный ребенок. Я должна была чувствовать жалость к нему, но почему-то не чувствовала и только гадала, как его тонкая шея выдерживает его голову. В какой-то момент я заметила, что он открыл глаза и теперь в свою очередь рассматривает меня, подслеповато шурясь, как крот.

– А ты совсем некрасивая. Вся серая.

– Я в курсе, – флегматично ответила я. – Вредно читать при плохом освещении. Я раздвину занавески?

– Я ненавижу свет.

Так твердо сказано, что настаивать бесполезно. Светобоязнь жителей этого дома просто поразительна. И странна. Хотя, может, и не очень странна. У всех свои причуды, и хватит думать об этом. Я раскрыла учебник.

– Приступим.

Последующий час был непрерывной борьбой между моим упорством и стремлением Колина меня игнорировать. Его губы кривились, но и мои – незаметно – тоже. Возможно, его невежество было лишь притворством, но я начала с первых страниц учебника, разъясняя ему простейшие арифметические действия. Он выражал тоску всем своим видом. Вероятно, я уже могла позволить себе уйти с шансом вернуться завтра. Но желание сбежать пропало. Да, здесь, в этой комнате, я ощущала тоску и дискомфорт, но и за ее пределами мне не стало бы намного лучше. Я начала испытывать к Колину нечто схожее с тем острым интересом, который почувствовала к Натали. В ней было что-то, вызывающее симпатию, как бы груба она ни была; в нем было что-то отталкивающее, что наверняка ощутилось бы и в случае, если бы он изо всех сил пытался вести себя хорошо. Замкнутое и пугающее существо, он был заточен в теле маленького мальчика, но в холодном блеске его глаз и привычке морщить лоб, в его едких фразах, брошенных мне, проступал угрюмый взрослый. Стали ли причиной его мрачности болезненность и одиночество? Наверное.

Колин заметно устал, и, отложив учебник в сторону, я попыталась разговаривать с ним, но краткие ответы сочлились раздражением.

– Почему ты кричал вчера?

– Мне было скучно.

– Только поэтому?

– И чтобы заставить Леонарда побегать.

– Тебе нравится его внимание?

– Мне нравится его беспокоить, – Колин смотрел в потолок. Ответив, он каждый раз плотно сжимал губы.

– Разве ты не любишь его?

– Конечно, нет. Чего ты смотришь на меня? Он мне не отец.

Я перевела взгляд на сомкнутые занавеси.

– Ты часто выходишь погулять?

– Я никогда не выхожу наружу.

– Нежели тебе нравится лежать целыми днями в этой комнате?

– У меня болят глаза, голова, ноги. У меня нет сил на прогулки, – огрызнулся он, и мне стало жаль его. Как он живет вот так, один в темноте? Сомневаюсь, что Леонард посещает его часто.

– Ты проводишь много времени в одиночестве...

– Так лучше всего. Хотя я не возражаю, когда приходит Леонард.

Я не должна была спрашивать, но спросила:

– А Натали навещает тебя? – и закусила губу.

Он помедлил несколько почти незаметных секунд, прежде чем ответить:

– Иногда.

Даже если бы я не слышала, как жестоко Натали отзывается о нем, я догадалась бы, что он лжет.

– Редко, – уточнил он, но в его глазах читалось отчетливо: «Никогда».

Лицо Колина сморщилось, потом разгладилось. Я не знала, как продолжить наш шаткий разговор, но Колин спросил:

– Ты же видела ее?

– Да.

– Она тебе понравилась? – поинтересовался он и едва заметно улыбнулся.

– Очень.

– Все любят Натали, – довольно констатировал Колин, и я поняла, что нащупала первую ниточку к его маленькой, прячущейся в кокон душе. – А Натали... – продолжил он и сразу стал мрачнее тучи, – ...говорила что-нибудь обо мне?

«*Маленькое чудовище... подумай, как справиться с ним*».

– Нет, ни...

– Врешь! – перебил он меня на середине слова, дернувшись всем телом от ярости. Я замерла, ожидая взрыва истерики, но он только упал на подушку, зажмурил глаза и захныкал: – Я устал, убирайся, оставь меня в покое, уходи, видеть тебя не хочу!

Я поспешно встала и взяла свою свечу.

– До завтра, – сказала я мягко, подавляя страх и неприязнь.

Я уже закрывала за собой дверь, когда он потребовал:

– Подойди ко мне.

Я приблизилась, двигаясь сквозь свое нежелание как в густом сиропе, задерживающем движения. Колин протянул ко мне левую руку, приподняв ее над одеялом с видимым усилием.

– Дотронься, – приказал он сквозь зубы.

Когда я мысленно повторила это слово, мое сознание завращалось в вихре ужаса. Мое отвращение было столь же мучительно, сколь и необъяснимо, и в подмышках выступили капли холодного пота. Я вдруг вспомнила, какой осторожной я была с ним все время. Лишь бы не сказать что-то, что вызовет его ярость; лишь бы случайно не прикоснуться к нему.

Полуприкрыв глаза, Колин наблюдал за мной и видел насквозь, каждую мысль в моей голове, вспыхивающую и сгорающую быстро, как спичка. Он испытывал меня, а я не понимала, как и почему...

Я зажмурила глаза и дотянулась до его холодных пальцев, сжала их, тонкие, слабые и безжизненные, как побеги увядшего растения. У меня возникло чувство, будто я стою на рельсах перед мчащимся на меня поездом...

– Достаточно.

Он освободил свою руку, которую, в противодействие самой себе, я стиснула слишком сильно. Я открыла глаза. Ничего плохого со мной не случилось. Но что могло? Ничего. Абсурдно...

– До завтра, – ровно произнес Колин.

– До завтра, – механически повторила я и вышла, ощущая спиной его сверлящий взгляд. Думаю, Колин был изумлен не меньше меня.

Свет от свечи в моей руке дрожал на стенах. Я дошла до лестницы и села, почти упала, на верхнюю ступеньку. Непонятная реакция. Я едва не плакала. Мне хотелось убежать прочь из этого дома и не возвращаться. Никогда больше не видеть жуткого ребенка, мистера Леонарда, глупой Марии, гадких и пустых Уотерстоунов, суетливой миссис Пибоди и даже Натали, хотя насчет Натали я обманывала себя. Ее я хотела увидеть, и особенно в момент, когда ощущала себя неуверенной и слабой.

В поисках спокойствия я спустилась в кухню, где витали запахи корицы и хлеба. Тусклый свет пасмурного дня, льющийся в широкое окно, показался очень ярким. Я постояла возле окна, наблюдая, как по небу медленно ползут серые облака.

– Чашку чая и булочку, – сказала Миссис Пибоди, кинув на меня внимательный взгляд поверх круглых стекол ее очков. – Чтобы привести нервы в порядок.

– Да уж, привести нервы в порядок мне сейчас необходимо, – согласилась я, подавленно улыбаясь.

Я села за стол и положила ладони на его гладкую деревянную поверхность. Сумеречные события с Колином показались нереальными или случившимися не со мной.

– Я вижу, первое занятие прошло успешно, – заметила миссис Пибоди, поставив передо мной чашку и тарелку с еще теплой булочкой.

Я молча покачала головой.

– Нет так уж, миссис Пибоди.

– Лучше обычного, – это было одновременно и возражение, и одобрение. – Вы бледны, но не более, чем утром. И вы не убежали от мастера Колина в слезах, как часто поступали девушки, бывшие до вас.

Я сделала глоток чая и надкусила булочку, хоть есть мне совсем не хотелось.

– Очень вкусно, миссис Пибоди. А много было девушек... до меня?

– Шесть. Беатрис, Виктория, Эмили, Каролина и... я всегда забываю ее имя... Летиция. И Агнесс.

Я не удержалась от вздоха. Добавится ли к этому списку изгнанных мое имя?

– Дольше всех продержалась Агнесс. Нрав у нее был стальной. Они столкнулись с мастером Колином как два меча – кто кого разобьет. Беатрис была глуповата и, я подозреваю, выпивала... уж слишком подозрительно блестяли ее глаза по вечерам. И чаю, если уходила пить его в свою комнату, никогда не наливала больше половины чашки. Видать, у нее было, чего добавить. Виктория с первого дня начала плакать, как ей все здесь не нравится, и на третий попросила расчет. Мисс Натали издевалась над ней каждый раз, как видела, и даже крикнула что-то обидное ей вслед, когда Немой увозил ее. У Каролины были белые волосы и синие глаза. Она была похожа на куклу и почти всегда молчала. Эмили все время пила чай. Выпила наш месячный запас за неделю, прежде чем я спохватилась. Она была странная. Отвечала невпопад и украла три ложки. И если бы господские, серебряные, а то самые простые. Зачем? Летиция... про Летицию я что-то вообще ничего не помню. Пару дней слонялась тут, как призрак. Мне иногда мерещилось, что она сквозь стены ходит.

Слова миссис Пибоди летели и летели, как стружки на лесопилке. Мне уже наскучило слушать про моих предшественниц. Само упоминание о них тревожило меня. Мне казалось, они оставили после себя невидимые тропы, притягивающие меня, и самый протоптанный из этих путей уводил наружу, в никуда, как будто, покидая этот дом, девушки просто исчезали. Нелепые мысли. И пугающие. Может быть, для меня было бы даже лучше, если бы в случае изгнания я прекратила свое существование. Дом Леонарда – единственное пристанище, которое у меня есть на текущий момент. Что, если мне не удастся сразу найти новую работу? Когда я представляла себя – одну, ночью, без денег, на незнакомой улице, где каждый может меня обидеть, – на меня накатывали волны ужаса. Как бы плохо мне ни было здесь, я должна держаться.

– Колин – очень необычный ребенок, миссис Пибоди, – пробормотала я.

– И жестокий... не так ли?

– Мне бы не хотелось так думать.

– О, моя дорогая, когда вы повзрослеете, вы поймете, что все дети жестоки. Но жестокость некоторых из них превышает допустимый уровень. Вот моя дочь... с тех пор, как она уехала, хоть бы раз написала мне. Она что же, думает, если она вышла замуж за своего полудикого художника и сбежала с ним в Австралию, так можно совсем позабыть о матери?

– Я уверена, она помнит о вас, миссис Пибоди, – рассеянно возразила я. Брови миссис Пибоди были сердито сдвинуты. Отодвинув чувство вины, я попросила: – Пожалуйста, расскажите мне о Колине. Где его родители?

Миссис Пибоди хотелось поговорить о дочери. Но она только пробормотала что-то о том, что даже Лусия относилась к ней лучше, чем дочь, родная кровь, и начала:

– Когда я устроилась в этот дом... после смерти мужа; негодяйка Магнолия звала меня жить к своим кенгуру, но я все еще была очень сердита на нее и даже слышать не хотела...

мастер Колин был совсем младенец, а уже сирота. Неудачные роды... Грустно – никогда не видеть мать. Может, поэтому он такой, бедняжка?

Я едва помнила свою маму. Она умерла от туберкулеза, когда мне только исполнилось пять.

– А его отец?

– Погиб. Станным и жутким образом, – миссис Пибоди выдержала паузу, но я молчала, и она неохотно продолжила: – После смерти хозяина главным в доме стал мистер Леонард. Кто бы мог ожидать, что мистер Леонард возьмет на себя заботу о мастере Колине... он ведь вроде не очень-то заботливый, по натуре своей, мистер Леонард. Вечно размышляет о своем. Но к мастеру Колину есть у него странная привязанность. А мастер Колин же очень болен... он всегда был слабеньким. И у него аллергия почти на все. То ему нельзя, это нельзя, да он ничего и не хочет – воротит нос, чего ни принесешь. Питался бы одним шпинатом. Он однажды у нас чуть не умер, съев два апельсина. И болеет каждую зиму. В прошлую его так прихватило, что я с ним распрощалась раз в пятнадцатый и была уверена, что теперь-то уж точно не зря.

Голос миссис Пибоди звучал вроде бы сочувственно, но я различала неискренность. Я вдруг подумала, что для нее смерть Колина стала бы событием в монотонной жизни, и в этом смысле даже представлялась желанной. Кроме того, она избавилась бы от дополнительных хлопот, ведь ей приходилось готовить Колину отдельно и ухаживать за ним.

– Вот тут и стало заметно, как Леонард дрожит над кузеном. У него будто разум помутился. Я говорю ему, что нужно врача, пока не поздно, а он в ответ: «Никаких врачей. Я буду лечить его сам». Уж не знаю, как он его лечил, только мне и близко запретили подходить к комнате мастера Колина, а дом весь пропах сладкой вонью – трава или что-то. Потом неделю не выветривалось. У меня аж голова кружилась от этого запаха. Мастер Колин проспал четверо суток и проснулся здоровым.

– Какие удивительные вещи известны мистеру Леонарду.

– Даже чересчур удивительные, – проворчала миссис Пибоди, не вдаваясь в подробности. – Он много путешествовал в молодости, много узнал. А теперь почти не выезжает, запер себя здесь. Этот мрачный дом... Мастер Колин родился в нем и никогда не покидал его пределов. Совершенно неподходящее место для ребенка. Никого поблизости, тем более семьи с дитем подходящего возраста. Откуда взяться друзьям? Бедненький, бедненький. Но дом все-таки ужасный, старый, – неожиданно заключила миссис Пибоди.

Далее она заговорила о доме, об огромных окнах, впусивших бы много света, но вечно занавешенных тяжелыми бархатными шторами, которые пропылились насквозь, а мистер Леонард запрещает снять их и выстирать, и от пыли миссис Пибоди начинает чихать, и что это вообще за пыль такая – только протрешь, спустя секунду лежит ровным слоем, будто дом только и мечтает утопить себя в грязи.

– Все не как у нормальных людей, – ворчала миссис Пибоди. – Не мое это дело, но что-то здесь не так. И лучше не становится. Я все ждала, когда же Уотерстоуны съедут, но, видимо, не дожусь. Окопались здесь, как верстовые столбы...

Миссис Пибоди уже не особо следила за словами. Все это копилось в ней очень долго, а выговориться было некому.

– Разорившиеся аристократы. Ну кое-что у них еще осталось, на то и живут. Вроде бы у них какие-то дела с мистером Леонардом, но какие могут быть дела у мистера Леонарда с этими полунищими? Занимают здесь пару комнат едва ли не с тех пор, как появился на свет мастер Колин, и воображают, что могут позволять себе распоряжаться, будто оттого, что они в доме мистера Леонарда, дом перестает быть домом мистера Леонарда. Если они что вам прикажут, милая, вы мимо ушей пропускайте, только не спорьте и не грубите – а то они мстительные, еще заставят потом поплакать. Не они вас наняли, не они вам платят, не им и приказы раздавать. Мистера Леонарда же выслушивайте самым внимательным образом и не

показывайте удивления. У него свои причуды, как у всех богатых. Вот, например, Мария... Мария... – миссис Пибоди презрительно скривила губы. – Она не нравится мне.

Это «не нравится» миссис Пибоди выговорила особо выразительно и с намеком, но тут же пошла на попятный, добавив:

– Хотя кто их знает, этих иностранок. Может, они все такие? Мистер Леонард привез ее из Испании. Мне рассказал об этом Грэм Джоб (вот уж молчун, слова бережет, как скупец золотые). От Грэма я узнала еще кое-что. В юности мистер Леонард уехал куда-то, и несколько лет от него не было вестей. Его уже не считали живым, и вдруг он вернулся, как с другого света и сам другой, поселился здесь. Тогда этот дом еще был домом мистера Чарльза. Это случилось незадолго до рождения Колина. А потом дом будто прокляли. Миссис Элизабет умерла в родах, а перед этим мистер Чарльз пропал. Жуткая с ним случилась история... – миссис Пибоди драматично замолчала, глядя на меня с ожиданием.

– Что же с ним произошло? – покорно спросила я, утомленная всеми этими обрушившимися на меня сведениями.

Миссис Пибоди изобразила сомнение.

– Я не уверена, должна ли об этом рассказывать, да еще на ночь глядя. И ведь это совершенная правда, если Грэм Джоб так сказал.

Она ждала уговоров, но получила очередное разочарование. Я не слишком-то любопытна.

– Если не уверены, то действительно, лучше не рассказывайте.

На глаза миссис Пибоди навернулись слезы.

– Как мне жаль Лусию, – проникновенно сказала она. – С ней всегда было так приятно поболтать. У нее всегда было что сказать. Она всегда всем интересовалась.

Я расслышала упрек.

– Мисс Натали... – сменила объект своих обвинений миссис Пибоди. – Мне кажется, раньше она была лучше. Грубиянка, конечно – уж скажу вам, как думаю. Хорошие манеры в нее хоть вбивай, а что толку, потому что природа у нее стихийная, и что в ней есть, все себя проявит. Но она была добрее и могла подумать о ком-то, кроме себя. А сейчас... Слоняется по окрестностям с утра до вечера, неважно, ясный день или ненастный. Или, что еще хуже, гоняет на своем мотоцикле. Я пыталась предупредить ее, что это опасно – ездить на такой скорости, да еще и по нашей ужасной дороге, но она только отмахнулась, мол, не ваше дело. Никого не желает слушать. Даже мистеру Леонарду грубит. И эти ее вечные сигареты... В ее комнате дорогой ковер, а он весь в прожженных дырах, потому что она бросает окурки прямо на пол. Так можно пожар устроить! Вот характер. Посмей ей что высказать! Здесь служанки нет, с тех пор как пришлось отбыть бедняжке Лусии. Я одна со всем справляюсь... Ее белые ручки не знают, каково это – счищать пепел, а мои ей не жаль...

– Кхм-кхм, – прокашлялась Натали, неожиданно возникшая в кухне. – Белые ручки, говорите? Продемонстрировать вам мои обветренные клешни? А торчат кверху задом в моей комнате, да еще по три часа в день, вас никто не заставляет. Лично мне все равно, будь пепла хоть по колено.

Миссис Пибоди ужасно покраснела. Натали ухмыльнулась, сгребая с блюда пару булочек.

– В этом доме недостаточно людей, чтобы сплетничать всласть. Ваш главный талант простаивает, Пибоди.

– Хоть бы поели нормально, – пробормотала миссис Пибоди, потупившись.

– Что-то не хочется, – сказала Натали, запихивая в рот сразу целую булку. – Нормально не хочется, то есть, – она перевела взгляд на меня. Глаза веселые и сердитые одновременно. – О. Парадоксальным образом ты живо, Умертвие.

Я молча смотрела на нее, чувствуя, что на лице проступает улыбка.

– Увидимся, – бросила Натали, вытирая руку о бедро. Она была в куртке и запыленных мужских брюках неопределенного цвета, сидящих на ней мешковато; ее волосы спутались, и длинный хвост уже походил на лошадиный. Мало какая девушка осталась бы красивой в таком растрепанном виде, но мне почему-то очень понравилось, как она выглядит, и я уставилась на нее во все глаза.

Натали выскочила за дверь, с грохотом захлопнув ее за собой, и миссис Пибоди выдохнула:

– Ну и манеры.

– Извините, – сказала я, поднимаясь. – Мне нужно идти. Спасибо за чай.

Я готова была бежать сломя голову – за ней, Натали. Но в коридоре, чьи стены нашептывали мне какие-то мерзости, ее не было. Забыв свечу в кухне, я ничего не могла видеть в темноте, но я бы почувствовала, будь Натали поблизости. Ощупью я выбралась в холл. Лишь они могли успокоить меня сейчас: оранжерея, Натали. Я боялась даже представить, что Натали не придет.

С цветами все было в порядке. Они поднялись от земли и их лепестки выглядели плотными, как бумага. Я хотела найти в оранжерее покой, но тревога преследовала меня и здесь. В моей голове вращались обрывки фраз миссис Пибоди, и лицо Колина превращалось в лицо Леонарда. Все не так, как я ожидала. Все не так с самого начала. И даже то, что я жду Натали с такой жадностью, неправильно. Я едва ее знаю. Так почему?

Прошло полчаса или больше, а я все стояла там, скрестив на груди руки, удерживаемая упрямой решимостью дождаться. Чьи-то холодные ладони вдруг опустились на мои плечи. Я вздрогнула и услышала комментарий Натали:

– Нервная, как мышь.

– Видимо, – согласилась я, начиная улыбаться, и обернулась.

Глаза Натали сияли, как серебро. Болезненное, голодное чувство, раздравшее мое душу, пока я ждала, затихало. «Все любят Натали», – вспомнила я слова Колина. Спорное утверждение, ведь она была вызывающе грубой и бросала сигареты на ковер. Но... она обладала неизъяснимой притягательностью, ударяющей так внезапно и быстро, что даже не успеваешь защититься. Даже не располагай она такой внешностью, она вряд ли потеряла бы свой эффект. Она расколола небосвод моей жизни надвое, как молния. Казалось, если она останется со мной, для меня все преобразится. Если она уйдет, то оставит меня в тоске. Чувствовал ли нечто подобное Леонард по отношению к ней?

И, интересно, кого любит сама Натали?..

– Как тебе Чудовище?

– Оно... оно... – я сдалась и выдохнула: – Оно чудовищно.

– Я знаю, что он сделал, – ухмыльнулась Натали. – Он приказал тебе дотронуться до него.

– Да, – подтвердила я, не способная отвести взгляда от ее лица. Какие же длинные ресницы, кажущиеся темнее в контрасте со светлыми глазами. Зрачки узкие и хищные, как у птицы.

– Любимая шутка. Он проделывал ее со всеми этими дурочками, что были до тебя. Я думаю, он изводил их специально, чтобы Леонард от них избавился. Бедняжки, да, – пробормотала Натали без сочувствия. – Но глупые, как гусыни, – добавила она с презрением. – И что ты сделала?

– Я дотронулась до него.

Брови Натали вздернулись.

– Правда?

– Да.

– Храбро.

– Какая может быть храбрость в том, чтобы прикоснуться к восьмилетнему ребенку? – не поняла я.

– Он отвратительный. Мерзкий. Я не понимаю, как ты решилась.

– В любом случае он всего лишь ребенок.

– Он чудовище. Даже Леонард соглашается со мной.

– Он человеческое существо.

– Нет, – отрезала Натали.

По моему мнению, то, как она говорила о Колине, было неправильным и жестоким. Но что-то во мне стремилось согласиться с ней. С ней или, может быть, даже с ее словами, не знаю. Я проглотила собственное сопротивление и сказала:

– Да.

Натали замерла, потом рассмеялась.

– Не ожидала от тебя такого упорства в защите своей точки зрения, Умертвие. И даже решимости ее высказать. Знаешь, я ведь сначала решила, что ты и трех дней здесь не выдержишь. Что ж, так гораздо интереснее. Сейчас вот думаю, – Натали скользнула мне за спину, – а не тихий ли ты омут?

Я почувствовала затылком ее теплое дыхание, и по спине побежали мурашки.

– Не могу возразить с уверенностью. Но и оснований для согласия у меня нет.

– Узнаем, – прошептала Натали мне на ухо. – Я еще поищу в тебе дьяволят, – пообещала она и исчезла, оставив меня в ворохе разноцветных эмоций.

Я подняла руки и увидела, что они дрожат.

– Успокойся, – сказала я себе. – Сейчас же.

Глава 4: Дневник

Я продержалась три дня. Неделю. И даже две, сама поражаясь, как мне это удалось. Часы, проводимые с Колином, напоминали погружение в темный грот, но постепенно я научилась получать от них странноватое, мученическое удовольствие. Это мое испытание, твердила я себе, способ доказать, что я не так беспомощна и слаба, как кажусь. Слова Натали раззадорили меня – она как будто бы постоянно витала рядом со мной, заглядывая мне в лицо и усмехаясь: «Ну что, уже сдалась? Ты труслива, как мышь, мягка, как гусеница».

Каждое утро, собираясь с духом возле двери Колина, я пыталась предсказать, в каком настроении он встретит меня сегодня. Иногда он был настроен мирно, что выражалось в пренебрежительном безразличии. Когда мне везло меньше, он грубил и бросался в меня всем, что под руку подвернется. Иногда же Колин просто отворачивался, отказываясь что-либо говорить и делать, и я молча сидела рядом с ним, пока время урока не подходило к концу. Что еще мне оставалось? Я чувствовала, что излишней настойчивости он противопоставит истерики, и тогда мне вряд ли удастся сохранить место. Куда я пойду в этом случае? Колин был моим маленьким властелином, решал, казнить меня или миловать, и осознавал это лучше всех. Он стремился довести меня до срыва, но его план был очевиден для меня, и я запретила себе выражать эмоции.

Вскоре изъяны его поведения начали вызывать у меня нечто, близкое к жалости. «Какой была жизнь этого ребенка, если он стал тем, кто он сейчас?» – спрашивала я себя, и мои ярость и обида утихали. Наши отношения развивались по спирали: чем невыносимее он вел себя, тем больше я ему сочувствовала и тем снисходительнее относилась к нему. В каком бы тоне он ни обращался ко мне, я отвечала ему мягко. «Помни, кто из вас взрослый, а кто – ребенок, и кто должен быть мудрым и великодушным», – напоминала я себе каждую ночь. Наши занятия были сражениями, не уроками, и все же я неизменно отвечала: «Все лучше», когда мистер Леонард интересовался, как идут дела. К счастью, больше вопросов он не задавал, а то мне пришлось бы сознаться, что учебник раскрывался лишь однажды.

Итак, пряча свои чувства, последовательно и настойчиво я направляла своего подопечного в нужном направлении, приучив себя радоваться мелким достижениям, пока нет ничего лучше, и, к моему удивлению, к началу октября обнаружила, что у меня начинает получаться. Мой бесцветный, ровный характер наконец-то пригодился, подействовав на Колина умиротворяюще.

Воспользовавшись затишьем, я проинспектировала его знания и пришла в тихий ужас, обнаружив, что они совершенно неудовлетворительны. Он умел читать, писать, но медленно и с ошибками. Его географические познания были настолько приближены к нулю, что он едва ли был в курсе, что земля круглая. Он мог сосчитать до двадцати, но не видел необходимости продвигаться в арифметике дальше.

Одно занимало его – Натали. Каждый день он спрашивал о ней, но мне нечего было ответить, потому что я редко ее видела. Иногда она таскала куски с кухни, обмениваясь едкими замечаниями с миссис Пибоди. Один раз, на побережье, метнулась мимо меня на своем мотоцикле. Я часто спускалась в оранжерею и ждала ее там, но Натали объявилась лишь единожды и не стала со мной разговаривать, расхаживая с заложенными за спину руками от стены до стены. Какие мысли занимали ее?

Со временем я осознала, как использовать интерес Колина в своих целях, и начала придумывать короткие диалоги, якобы состоявшиеся между мной и Натали, неизменно перенося рассказ на конец занятия – конечно, при условии, что Колин вел себя хорошо. Поначалу я стыдилась своей лжи, но потом так привыкла, что сама уже начинала верить, что Натали общается со мной. Как-то я даже дошла до того, что сказала:

– Думаю, мы с ней подружились.

Колин кивнул. Я не была уверена, что он верил моим рассказам, догадываясь, что ребенок, который наловчился доводить взрослых до белого каления, может быть очень проницательным. Тем не менее внешне он недоверия не выражал. Подозреваю, ему просто нравилось разговаривать о Натали. Но она не приходила к нему, никогда.

Колин оставался для меня тайной, но что-то я уже начинала понимать в нем. Он не был плох по натуре, но болезненность, бездеятельность и недостаток общения сделали его раздражительным и деспотичным. Привыкший разговаривать с людьми, находящимися в подчиненном положении, Колин усвоил высокомерный, презрительный тон, распространяющийся даже на Леонарда, как я с удивлением обнаружила, когда однажды Леонард заглянул к нам на урок.

– Главное, не перенапрягайте его, – указал Леонард. – Напряжение может негативно сказаться на его здоровье, – он сощурился и переместился от полосы света. – И зачем вы раздвинули шторы? Свет ему вреден.

– Но разве...

– У вас есть возражения? – Леонард поднял брови.

– Нет, мистер Леонард, нет, – быстро ответила я.

– Хорошо, – его лицо выразило участие. – Обращайтесь, если у вас возникнут вопросы или затруднения.

Он вышел, и мои невысказанные возражения остались при мне.

«Как солнечный свет может быть вреден?» – думала я, спускаясь в оранжерею после занятия. И что значит «не перенапрягайте его»? Колин занимается от силы два часа утром, а потом лежит и смотрит в потолок весь оставшийся день. И разве не полезнее больному ребенку занять свой ум, отвлечься от своего состояния? Последствия этой «незанятости» я наблюдала регулярно. Иногда казалось, что Колин вообще ни о чем больше не может говорить, только о том, как он болен да как ему плохо, хотя никогда не мог внятно ответить на вопрос, что именно у него болит. В один день я не выдержала и высказалась, что, если бы Колин меньше размышлял о своем скверном здоровье, оно и не было бы таким скверным.

В оранжерее я увидела Грэма Джоба, с которым успела познакомиться раньше. Это был сутулый, но крепкий еще старик, всегда с сердитым выражением на морщинистом лице, всегда погруженный в свои мысли. Его седые волосы торчали, колючие, как проволока, усы были желтые от дыма. Несмотря на его угрожающий облик, он мне нравился. «Добрый, – отзывалась о нем миссис Пибоди. – Но жизнь побросала, и стал он твердым, точно зачерствевший каравай». У Грэма Джоба был сын, жокей, погибший лет десять назад, когда во время забега его сбросила лошадь. Жена умерла еще раньше, и с тех пор Грэм Джоб остался совсем один. Когда бы я его ни видела, он всегда был чем-то занят. Вот и сейчас, взобравшись на стремянку, срезал отмирающие листья с длинной гирлянды ползучего растения. Я подняла один листок.

– Что нужно сделать, чтобы помочь больному? – задумчиво спросила я.

К цветам это не относилось, просто мысли вслух, но Грэм Джоб ответил:

– Поставить ближе к свету и взрыхлить почву, – и слова его пришлись как раз кстати.

Мне представилась комната Колина. Ни книг, ни игрушек. Вот уж точно цветок в засуху. Да его меланхолия следствие обыкновенной скуки! «Я займусь им, – пообещала я себе. – Непременно».

Всю ночь я провертелась на кровати, обуреваемая жаждой деятельности. Заснув под утро, вскоре я была разбужена тоскливым, злым плачем Колина, и поняла, что на сегодня занятия отменяются.

После завтрака в общей столовой, этой тягостной, смущающей процедуры, которую я проходила каждое утро, хотя предпочла бы позавтракать с миссис Пибоди в кухне, я попыталась поговорить с мистером Леонардом насчет моих планов.

– К сожалению, я вынуждена отметить, что навык чтения у Колина развит недостаточно. Конечно, есть учебники, но они для него малопривлекательны. Полагаю, будь у Колина яркие, интересные книги, он уделил бы им больше внимания. Таким образом он бы убыстрил темп чтения и заодно улучшил свое правописание, запоминая, как пишутся слова.

Взгляд Леонарда, обращенный на меня, был участливым и пустым.

– Конечно-конечно, все, что считаете нужным. Составьте список необходимого и передайте Немому, – быстро согласился он и отвернулся, демонстрируя, что разговор закончен. У меня возникло ощущение, что все, относящееся к процессу обучения кузена, мало его интересует.

Я взяла в своей комнате бумагу и карандаш и спустилась в кухню. Посмотрела на чистый лист, припоминая книги, которые произвели на меня сильное впечатление в детстве. Мне были нужны те из них, что соединяли в себе увлекательность и доброту, которая могла бы стать светом для тех ростков хорошего, что сейчас прозябали во мраке души Колина.

– Что вы задумали, милая? – спросила миссис Пибоди. От нее пахло сдобой, а руки у нее были белые от муки – она пекла пирог.

– Мне нужно съездить в город и выбрать несколько книг для Колина.

– Составьте список и отдайте Немому, он каждую пятницу обходит в городе лавки. Только накажите ему зайти в книжную – сам он туда вряд ли заглядывает. И пишите разборчиво и подробно – продавцам только дай повод подсунуть то, чего у них и не просили. А Немой не укажет. Он же мало того, что бессловесный, так еще и неграмотный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.